

VII. Необходимость создания полевых программ этнографического описания современных этнических культур

Совершенно ясно, что нужно разрабатывать полевую программу или сумму полевых программ этнографического описания современных этнических культур второй половины XX — начала XXI в. Это программа должна состоять из новых пунктов, которые отражали бы целый ряд явлений, обусловленных формами жизни рубежа XX–XXI вв. (техногенным процессом, урбанизаций, глобальными информационными связями).

Безусловно, такую программу не создать в одночасье. Поэтому предлагается следующий начальный этап определения ее пунктов.

На базе собственных полевых исследований обозначить реалии *современности*, интересные для этнографического изучения. Имеются в виду реалии современности, с которыми мы сталкиваемся в поле, но которые не входят в наши полевые программы. Обсуждение этих реалий, путь выработки единых пунктов программы полевого изучения современных этнических культур позволят собирать сопоставимый материал по всем современным этническим культурам.

В заключении хотелось бы сказать следующее. Нынешний электронный век существенно раздвигает возможности введения в широкий научный оборот огромной массы полевых материалов в современной цифровой форме. То, что не войдет в аналоговую публикацию полевых материалов (книги), может быть в электронной публикации в виде CD и DVD дисков. Сайты могут давать выходы на цифровые архивы, позволяющие архивировать неограниченное количество материалов. Базы данных позволяют производить быстрый поиск информации. Вопрос не в наличии современной цифровой техники, а в ее грамотном использовании. Для этого требуются специальные архивные, музейные, методические, технические разработки полевой документации, камеральной обработки, архивации и публикации современных цифровых полевых материалов.

Е.Г. Федорова

О СОХРАНЕНИИ И ВОЗРОЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Приведенные здесь заметки построены на наблюдениях во время экспедиций к северным манси, продолжавшихся на протяжении почти 30 лет (вторая половина 1970-х — начало 2000-х годов). Вынесенная в заголовок тема никогда не была основной при сборе полевых материалов. Она выстроилась в результате общения с информантами разных национальностей и разных социальных категорий. Это скорее фон, наличие которого обеспечивает лучшее понимание происходящих в регионе процессов.

Экспедиционные исследования проходили главным образом в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Тюменская область), где манси издавна проживают вместе с коми, ненцами, русскими. В течение обозначенного выше периода произошли глобальные изменения как в жизни обитателей этой обширной по площади территории, которая была заселена ман-

си несколько веков назад, так и в жизни страны в целом. Изменились и люди, причем речь идет не просто о смене поколений. Под влиянием новых обстоятельств и установок люди по-иному стали смотреть на жизнь, по-иному оценивать значение той культуры, которую сформировало несколько поколений их предков.

Во второй половине 1970-х годов у северных манси, проживавших в сельской местности, сохранялось немало элементов традиционной материальной культуры. Естественно, далеко не всем пользовались, но могли многое показать и о многом рассказать. Еще встречались люди, родившиеся на рубеже XIX и XX вв., большая часть жизни которых прошла в рамках традиционного уклада. Хозяйство претерпело к 1970-м годам значительные изменения, но базировалось оно все-таки на традиционных отраслях (подробнее см.: [Федорова 1986]). В нем были задействованы представители различных национальностей, которые в своем обиходе использовали многое из того, что сложилось в мансийской среде: промысловые навыки охотников и рыбаков, орудия труда, промысловый транспорт и одежду. Оценка этих элементов традиционной культуры северных манси со стороны русских, с которыми приходилось беседовать, всегда была положительной, иногда даже восторженной. Все говорили, что самые лучшие охотничьи лыжи, самые лучшие лодки делают манси.

И совсем по-другому оценивали подход к производственной деятельности, характерный для манси. Часто приходилось слышать такое выражение: «Они ленивые, им ничего не надо». Но когда я объясняла таким информантам, почему манси не стремятся добыть всего зверя, выловить всю рыбу, что у них совсем другой подход к окружающему миру и другие представления о своем месте в нем, что они берут от природы только то, что им необходимо, со мной, как правило, соглашались.

Судя по тому, какой всплеск наблюдается в постсоветский период в сфере религиозных представлений и обрядности, они тоже сохранялись у северных манси в предшествующее время, хотя из-за преследований со стороны властей вынуждены были функционировать скрытно. Исключение составляли погребальный обряд и медвежий праздник («медвежки пляски»). Последний — в силу того, что многие его элементы носят ярко выраженный театрализованный характер. Сейчас для его обозначения в научной литературе используется термин «медвежьи игрища», широко внедрившийся с появлением в рядах исследователей представителей коренных народов.

Подтверждением того, что религиозные представления и многие обряды сохранялись у северных манси в советский период, являются и материалы по святилищам, собранные новосибирскими исследователями в начале 1980-х годов [Гемуев, Сагалаев 1986].

Но большая часть подобной информации была недоступна не только для «чужих», но и для многих из «своих» — в силу традиции: знать можно то, что знать положено. Нарушение этой традиции, как считается, влечет за собой наказание со стороны богов. Один из ярких примеров — смерть в начале 1980-х годов известного скульптора-самоучки, произведения которого хранятся в музеях России, П.Е. Шешкина. Как знаток традиционных верований и обрядов се-

верных манси, он сотрудничал с исследователями мансийской культуры и, по словам информантов, рассказывал им то, о чем говорить нельзя.

Приходилось встречаться и со случаями, когда боялись реакции со стороны властей. В таких ситуациях обычно были задействованы представители двух поколений манси. Пожилые люди готовы были поделиться информацией о верованиях и обрядах, скорее всего опять же в допустимых для «чужого» объемах, но присутствовавшие при беседе представители молодого поколения одергивали их: «Зачем ты такое рассказываешь? Неприятности будут».

При полевых исследованиях второй половины 70-х годов XX в. у северных манси особо не было заметно проявления интереса к своей культуре. Это время, когда наиболее активными были люди, родившиеся в конце 1940-х годов. По словам таких информантов, когда они жили в интернатах, им не разрешали говорить на родном языке, носить национальную одежду, т.е. устранялись признаки, по которым определялась принадлежность к своему народу (эти признаки в качестве основных информанты называли при ответе на вопрос, как они отличают себя от других). В результате уже это поколение оказалось вне сферы своей традиционной культуры, хотя владело значительным объемом информации о ней.

Большая часть молодежи в 1970–1980-е годы вообще не проявляла интереса к национальной культуре. Приходилось сталкиваться даже с тем, что внимание, которое демонстрировали к ней исследователи, вызывало раздражение: «Зачем это надо изучать или сохранять?», в то время как представители других национальностей из местного населения выказывали по этому поводу лишь удивление, да и то достаточно редко.

Отношение молодежи в данном случае вполне объяснимо. Оторванность от семьи и соответственно традиций из-за того, что большую часть года приходилось проводить в интернате (причем это было уже не первое поколение, прошедшее через интернат), всеобщее среднее образование, значительно расширившее кругозор, появление новых профессий в связи с промышленным освоением Севера, распространение телевидения — все это открывало дорогу в другой мир, к другой жизни, которая была намного легче, удобнее, для кого-то красивее, чем жизнь в тайге.

Собственно, стремление к лучшим условиям жизни вполне естественно и характерно для всего человечества на всех этапах его существования, на этом строится культура как механизм адаптации. И здесь встает вопрос: что и как нужно сохранять и возрождать, когда происходит всплеск национального самосознания, как это случилось в начале 1990-х годов.

Осознанное желание сохранить исчезающие явления традиционной культуры северных манси существовало у некоторых представителей сельской интеллигенции, насколько можно судить, уже в начале 1970-х годов. Нельзя не отметить, что в основном это были не манси, а люди других национальностей или же не чистокровные манси. При школах создавались кружки, в которых дети разных национальностей приобретали навыки работы с различными традиционными материалами (иногда они заменялись другими, легкодоступными при сохранении основных технических приемов). Учителя собирали образцы орнамента — одного из важнейших показателей мансийской культуры (к сожалению, в

основном без учета названий и локальной принадлежности узоров, что явилось одной из причин затухания знаковой функции орнамента).

Начали создаваться школьные музеи. Они носили характер краеведческих, этнографии в них уделялось не так уж много места, но на их базе в дальнейшем выросли уже более солидные музеи, как, например, музей под открытым небом в пос. Сосьва. Его основателем стала учительница А.М. Хромова (наполовину коми, муж эвенк), впоследствии работавшая в музее под открытым небом «Торум Маа» (Ханты-Мансийск).

Сосьвинский музей как музей под открытым небом начал оформляться в конце 1980-х годов. Приходилось слышать, как его называли «мансийский дом культуры». Там были воссозданы традиционные постройки, стали проводиться различные мероприятия. Важно, что в создании этого музея была заинтересована местная администрация, которую тогда возглавлял А.О. Федотов, милиционер по профессии, приехавший в Сосьву из другого района Ханты-Мансийского округа и не относившийся к числу коренных народов Севера.

С начала 1990-х годов интерес к национальной культуре, родному языку резко возрастает. Появляются и новые формы их пропаганды [Федорова 2005б]. Фон — экономический спад, заметное ухудшение условий жизни. Но в сознании людей произошел сдвиг. Они стали чувствовать себя более свободными в выражении своих предпочтений, более уверенными, хотя в последующие пятнадцать лет в большинстве селений Березовского района не удалось выправить хозяйственную ситуацию (подробнее см.: [Федорова 2005а: 23–28]. Представители интеллигенции из коренных народов говорят о возрождении традиционной культуры, что проявляется главным образом в обрядовой сфере. Насколько удачен в данном случае термин «возрождение» — вопрос особый (см., напр.: [Федорова 2006: 66–68]. Важно то, что во многих обрядах принимают участие люди разных национальностей, мансийские праздники и обряды становятся фактором, который объединяет население независимо от его национальной принадлежности.

Библиография

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1986.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139–156.

Федорова Е.Г. Сосьвинско-ляпинские манси: некоторые аспекты этнодемографической и хозяйственно-культурной ситуации // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005а. С. 7–29.

Федорова Е.Г. Формы пропаганды национальной культуры (на примере северных манси) // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. СПб., 2005б. С. 300–305.

Федорова Е.Г. Традиционная культура народов Сибири на рубеже тысячелетий // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М., 2006. С. 63–74.